

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2026.49.90.026

Психологические аспекты реализации права на брак и поддержания родственных связей: систематизация опыта зарубежных пенитенциарных систем

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья представляет собой исследование психологических аспектов реализации одного из фундаментальных прав человека – права на брак и поддержание родственных связей – в условиях изоляции в пенитенциарных системах зарубежных стран. Актуальность работы обусловлена необходимостью гуманизации исполнения наказаний, где соблюдение данного права выступает ключевым фактором реабилитации и ресоциализации осужденных, а также снижения рецидивной преступности. Путем междисциплинарного подхода анализируется эволюция правового регулирования семейных связей осужденных от изоляционистской модели к модели, ориентированной на сохранение семейных уз как значимого ресурса ресоциализации. Представлена парадигма перехода от изоляционистской политики к системе поддерживающих мер, включающих трансформацию инфраструктуры свиданий, внедрение программ ответственного родительства и психологического сопровождения семей. Международный опыт демонстрирует широкий спектр подходов, где юридические нормы тесно переплетаются с задачами реабилитации и сохранения психического здоровья заключенных.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. Психологические аспекты реализации права на брак и поддержания родственных связей: систематизация опыта зарубежных пенитенциарных систем // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 2А. С. 204-211. DOI: 10.34670/AR.2026.49.90.026

Ключевые слова

Пенитенциарная психология, лишение свободы, право на брак, ресоциализация, реляционная нагрузка, депривация, семейные отношения, родственные связи, профилактика рецидива преступности, психологическая травма, социальная изоляция.

Введение

Лишение свободы как мера уголовно-правового воздействия создает сложный комплекс психофизиологических проблем, затрагивающих сферу семейных и брачных отношений. Одновременно с этим в мировом масштабе формируются новые социальные феномены, требующие междисциплинарного анализа. Несмотря на то что изоляция от общества изначально предполагает ограничение широкого круга прав и свобод, международное сообщество и пенитенциарная наука постепенно приходят к консенсусу относительно необходимости сохранения института брака как важнейшего элемента реабилитации лиц, отбывающих наказание. В данном контексте семья перестает рассматриваться исключительно как частная сфера жизни индивида и обретает статус значимого института, оказывающего прямое влияние на эффективность пенитенциарного воздействия и профилактику рецидивного поведения [Garcia, Vella, 2025].

Основная часть

Правовое регулирование и институциональное признание права на брак в период изоляции демонстрируют устойчивую эволюцию от полного отрицания к постепенному признанию. Мировая практика свидетельствует о движении в сторону включения права на семью в концептуальные рамки прав человека [Абашидзе, Клишас, 2014]. Признание права на брак трансформирует внутреннее состояние человека. С точки зрения теории привязанности, наличие стабильного принимающего объекта вне иерархии учреждения выполняет функцию «буфера» против стресса, порождаемого условиями изоляции [Жихарева, 2013]. Формирование супружеской пары в данных обстоятельствах создает феномен эмоционального убежища – когнитивного конструкта, позволяющего личности сохранить эго-идентичность, отличную от социального статуса. В этом контексте брак выступает инструментом нарциссической стабилизации: через признание со стороны партнера субъект восстанавливает нарушенную целостность «Я», что критически важно для профилактики суицидального риска и аутодеструктивного поведения [Howard, 2022].

Особую сложность представляет анализ реализации права на заключение брака в исправительных учреждениях, который требует рассмотрения данного феномена не только в юридическом, но и в широком социально-психологическом контексте. Институт брака в условиях изоляции выполняет функцию ключевого механизма ресоциализации, однако его реализация сопряжена с глубинными внутриличностными конфликтами и деформацией ролевой структуры взаимодействия. В рамках современной пенитенциарной психологии центральным конструктом, опосредующим психологическое состояние лиц, вступающих в брак или поддерживающих супружеские отношения, выступает феномен реляционной (взаимосвязанной) нагрузки. В отличие от традиционного брака, где формирование супружеской системы происходит в условиях относительной автономии и открытости социальной среды, брак, заключаемый в период изоляции, изначально устанавливается в условиях учреждения. Этот процесс требует от пар пересмотра базовых представлений об близости и распределении ответственности. Партнер, находящийся на свободе, объективно принимает на себя функции «агента» контроля и проводника административных требований, что вступает в противоречие с эмоциональной потребностью в поддержке и эмпатии. Это порождает специфический когнитивный диссонанс, при котором супружеское взаимодействие

утрачивает спонтанность и подчиняется ритуализированным формам контакта, предписанным режимными правилами [Jardine, 2015].

Одним из наиболее деструктивных психологических факторов выступает структурная депривация, связанная с организацией свиданий. Эмпирические данные демонстрируют, что режимные трудности организации личных встреч и ограниченное время общения оказывают прямое негативное влияние на субъективное восприятие качества отношений со стороны партнера, оставшегося на свободе. С позиции психологии привязанности, подобные барьеры активируют тревожно-избегающие паттерны поведения: невозможность предсказуемого контакта провоцирует у партнера хроническое чувство утраты взаимосвязи и эмоциональную нестабильность, в то время как субъект, подвержен риску формирования компенсаторных фантазий, не соответствующих реальному положению дел в отношениях [Донцов, 2016]. Существенным аспектом является трансформация гендерных ролей и связанная с этим эмоциональная нестабильность. Жизнь показывает, что бремя поддержания отношений ложится преимущественно на женскую часть пар. Женщина вынуждена совмещать функции единственного родителя, финансового менеджера, связующего звена с внешним миром и психологического консультанта («жилеткой») для осужденного. В контексте подготовки к заключению брака или его регистрации эта нагрузка приобретает гипертрофированные формы. Психологическая динамика в таких отношениях часто характеризуется феноменом квази-взаимности, когда реальная поддержка является односторонней, а символическая поддержка – единственно доступной формой рефлексии (ответной связи). Такой дисбаланс, если он не осознается и не прорабатывается, может привести к кумулятивному эффекту эмоционального выгорания одного из партнеров.

Институт брака в исправительном учреждении может выступать в качестве стабилизатора эмоциональное состояние, выступая протективным фактором. Психологический механизм этой протекции заключается в обретении субъектом «островка» стабильности и структурированной социальной роли, которая противостоит обезличивающему воздействию пенитенциарной системы. Брак создает для человека нарратив будущего, необходимый для поддержания надежды и формирования идентичности, не сводимой исключительно к статусу лица, отбывающего наказание. Более того, исследования постпенитенциарной адаптации подтверждают, что наличие супружеского статуса и стабильных семейных отношений коррелирует со снижением уровня стресса после освобождения и повышенной ответственностью к социуму на свободе, что выступает значимым «буфером» против рисков рецидива. Однако протективный (защитный) эффект достигается при условии, что брак не является вынужденным или мотивированным исключительно инструментальными целями.

В рамках изучения психологических последствий, связанных с наличием в семье родственника, изолированного от общества, особую значимость приобретает анализ механизмов деструкции личностной и социальной идентичности ближайших родственников. Глубинная психотравматизация семьи часто возникает из-за стигмы, распространяющейся на близких. Психологическое бремя семьи отличается своей двойственной природой. С одной стороны, родственники сталкиваются с объективной реальностью уголовного преследования. С другой стороны, ключевым патогенным элементом выступает латентное и явное социальное исключение, которое начинается после вынесения приговора. Социальное окружение склонно экстраполировать вину осужденного на его семью, формируя устойчивый нарратив о неблагополучной «ячейке общества». Эта экстраполяция приводит к феномену вторичной девиантности, когда семья, не совершавшая противоправных действий, начинает восприниматься через призму вины своего члена. Для супругов, родителей или детей это

означает резкое сужение пространства социальной репрезентации: привычные роли подвергаются «ревизии» со стороны общества, что инициирует глубокий внутриличностный конфликт.

Супруги, в особенности женщины, переживают состояние двойной стигмы. Они одновременно вынуждены выполнять функцию защитника репутации семьи перед внешним миром и сталкиваются с внутренним чувством стыда, которое становится частью их самоощущения. Психологическая защита в таких случаях часто принимает форму социальной изоляции – добровольного или вынужденного отказа от прежних коммуникаций, что, с одной стороны, снижает остроту столкновения со стигматизирующими реакциями, но с другой – лишает субъекта важнейших ресурсов совладания со стрессом. Разрыв социальных связей ведет к обеднению эмоциональной поддержки, что делает семью крайне уязвимой перед развитием посттравматического стрессового расстройства. В стремлении восстановить когнитивный контроль над ситуацией родственники прибегают к механизмам сокрытия информации. Стратегии сокрытия факта осуждения требуют постоянного эмоционального и когнитивного напряжения: необходимость контролировать содержание повседневных разговоров, избегать определенных тем приводит к состоянию хронического гипервозбуждения. В академической литературе это состояние описывается как синдром сохранения тайны, который коррелирует с соматизацией тревоги, нарушением сна и истощением [Менделевич, 2014].

Психологическая реальность для мужчин и женщин, отбывающих наказание, представляет собой два качественно различных феномена. Специфика женской пенитенциарной психологии в аспекте семьи коренится в том, что для большинства женщин материнство и семейные узы остаются центральными элементами самоидентификации. Эмпирические исследования свидетельствуют, что разлука с детьми переживается женщинами как наиболее травматичный аспект наказания, нередко превосходящий по интенсивности сам факт ограничения свободы. Этот феномен объясняется через призму теории привязанности, где материнская связь является первичной и наиболее устойчивой психологической структурой [Москвитина, 2022]. В условиях изоляции женщины демонстрируют специфический паттерн психологического совладания: они активно формируют замещающие семейные структуры, где распределяются роли матери, дочери, сестры. Женщины значительно чаще испытывают чувство вины, связанное с невыполнением материнских обязанностей, что приводит к формированию устойчивого депрессивного фона. Кроме того, женщины реже получают поддержку от партнеров, оставшихся на свободе, что создает феномен двойной депривации.

Мужская модель переживания семейных связей в условиях изоляции от общества демонстрирует принципиально иную психологическую конфигурацию. Для мужчин, чья гендерная социализация традиционно ориентирована на роль кормильца и защитника, утрата способности обеспечивать семью и осуществлять протективную функцию становится источником глубокого нарциссического кризиса. В отличие от женщин, у которых семейная идентичность чаще всего сохраняется как психологическая реальность даже при физической разлуке, мужчины склонны к механизму когнитивного диссоциирования – отделению институционального «Я» от «семейного Я». Этот защитный механизм, изначально направленный на сохранение психической целостности, в долгосрочной перспективе оборачивается отчуждением [Souza K., 2019]. Мужчина, особенно при длительных сроках отбывания наказания, постепенно утрачивает способность к установлению доверительных семейных отношений. Гендерная асимметрия наиболее отчетливо проявляется при анализе института длительных свиданий. Для мужчин свидание с женой или партнершей часто

выполняет функцию не только поддержания эмоциональной связи, но и ритуала подтверждения маскулинной идентичности. Однако парадокс заключается в том, что само предоставление такого свидания, сопряженное с бюрократическими процедурами и условиями тотального контроля, превращает сферу личных отношений в объект внешнего администрирования.

Анализ положения детей, чьи родители находятся в местах лишения свободы, требует признания их статуса как «непричастных жертв» системы уголовного правосудия – категории лиц, которые, не совершая противоправных деяний и не подвергаясь формальным санкционным мерам, испытывают глубокое психотравмирующее воздействие. В пенитенциарной психологии этот феномен долгое время оставался маргинализированным, поскольку фокус внимания традиционно сосредоточен либо на осужденном, либо на жертве преступления. С точки зрения психологии развития, разлука с родителем представляет собой событие, нарушающее нормативный ход психического развития на любом возрастном этапе [Hadait Z., Bibi S. R., Hadait R. T., 2023]. Для детей раннего возраста, находящихся в периоде формирования базового доверия к миру, внезапное исчезновение значимого взрослого создает фундаментальную тревогу, которая может закрепляться в структуре личности в форме диффузной незащищенности. Исследования в области теории привязанности демонстрируют, что разрыв первичной связи с родителем приводит к формированию дезорганизованного типа привязанности – наиболее неблагоприятного прогностического маркера для последующего социально-эмоционального развития [Волкова, 2017].

Для детей младшего школьного возраста специфика переживания обусловлена ограниченностью когнитивных возможностей для осмысления жизненной ситуации. Психологическая защита на этом этапе часто принимает форму деструктивного мышления: ребенок склонен интерпретировать отсутствие родителя как результат собственных «плохих» мыслей или поступков, что порождает хроническое чувство вины. Окружающие взрослые, включая оставшегося родителя, нередко усугубляют эту травму либо через табуирование темы, либо через демонстрацию открытой стигматизации. В последнем случае ребенок оказывается в ситуации разделенной лояльности: любое проявление привязанности к изолированному родителю воспринимается как предательство по отношению к опекуну, что формирует внутренний конфликт. Особую остроту проблема приобретает в подростковом возрасте, дети осужденных родителей демонстрируют статистически значимо более высокие показатели риска вовлечения в делинквентное поведение. Однако причинно-следственные механизмы здесь сложнее: подросток, сталкивающийся со стигматизацией и систематическим социальным исключением, нередко перенимает негативный ярлык, что приводит к формированию криминальной идентичности как защитного механизма.

Экспертное сообщество, опирающееся на междисциплинарный синтез пенитенциарной психологии, социальной работы и правозащитной практики, в последние годы выработало системные меры, направленные на смягчение негативных последствий изоляции для семей. Эти меры формируют парадигму перехода от изоляционистской модели к модели, ориентированной на сохранение и поддержку семейных связей. В основе данной парадигмы значителен тезис о том, что поддержание позитивных семейных отношений выступает в качестве одного из наиболее мощных факторов снижения рецидивной преступности и успешной ресоциализации. Первое направление экспертных предложений касается трансформации физической и институциональной среды для обеспечения условий, способствующих поддержанию семейных уз. Ключевой мерой здесь выступает создание специализированных пространств для свиданий, которые принципиально отличаются от традиционных комнат, ориентированных

исключительно на режимно-надзорные требования. Вторым значимым блоком мер является внедрение института специализированного сопровождения детей при посещении мест изоляции. В ряде европейских стран реализуются программы, в рамках которых подготовленные волонтеры и психологи обеспечивают транспортировку ребенка до учреждения, его подготовку к визиту и последующую психологическую поддержку. Важнейшим компонентом здесь выступает предварительная оценка психологом готовности ребенка к визиту и последующая работа с его переживаниями, что превращает процесс свидания из потенциально травматичного в терапевтический [García Y., Vella M. G. Caring, 2025].

Заключение

В мировой пенитенциарной практике наблюдается эволюция от карательной логики разрыва семейных связей к восстановительной логике их сохранения. Признается, что разрушение семейных уз не только оборачивается дополнительными страданиями для человека, изолированного от общества, но и разрушает жизнь его близких, увеличивая риски повторных правонарушений. Вызов для зарубежных государств остается в сфере поддержки семей – защиты их от бедности, стигматизации и эмоционального истощения. Эффективная политика в этой области требует отказа от узко рестриктивного подхода в пользу признания семьи неотъемлемым ресурсом исправления, что предполагает системную реорганизацию: развитие инфраструктуры для поддержания связей, создание доступной психологической помощи и реализацию программ постпенитенциарного сопровождения.

Библиография

1. Абашидзе А.Х., Клишас А.А. Защита семьи по международному праву в свете современных реалий / Правовое государство: теория и практика. № 4 (38). 2014. С. 151 – 156.
2. Волкова Е.Е., Капустина Т.В., Черемискина И.И. Развитие модели привязанности в контексте различных теоретических подходов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Том 6. № 1А. С. 45-53.
3. Донцов, А.И., Донцов, Д.А. младший, Донцова, М.В., Пятаков, Е.О. (2016). Социально-психологические эффекты общения, их влияние на взаимодействие людей, воздействие их на коммуникацию, интеракцию и социальную перцепцию // Вестник практической психологии образования - 2016. Том 13. № 4. С. 57-70.
4. Жихарева, Л. В. Теория привязанности, теоретические и практические аспекты / Л. В. Жихарева // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 4(4). – С. 144-154.
5. Менделевич Е.Г. Соматизация тревожных расстройств в практике невролога: алгоритмы и подходы к дифференцированному лечению. Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2014; (4) : 81–86.
6. Москвитина М.М., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Пенитенциарный социум. Осужденные женщины с детьми в домах ребенка: характеристика и взаимоотношения. Теоретический аспект // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 3-1. С. 69-77. DOI: 10.34670/AR.2022.10.59.030
7. Шамсунов С.Х., Егоров В.А., Корнев А.С., Новиков А.В. Постпенитенциарный период, как эффективный механизм в социальной адаптации осужденных // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 6-1. С. 102-110. DOI: 10.34670/AR.2021.99.95.012
8. García Y., Vella M. G. Caring for those within: caring from the outside // Discover Global Society. – 2025. – Т. 3. – №. 1. – С. 29.
9. Gupta S., Sanner C. Indian Wives of Incarcerated Men Tell Their Own Stories: An Intersectional Narrative Analysis of Disenfranchisement and Resilience // Journal of Marriage and Family. – 2026. – Т. 88. – №. 1. – С. 7-22.
10. Hadait Z., Bibi S. R., Hadait R. T. Silent victims: uncovering the realities of the criminal justice system for families of prisoners // Experiences of punishment, abuse and justice by women and families. – Policy Press, 2023. – С. 48-68.
11. Howard C. H. Care under carcerality: Strategies of women with incarcerated loved ones : дис. – University of Chicago, 2022.
12. Jardine C. Constructing Family in the Context of Imprisonment: a study of prisoners and their families in Scotland. 2015.
13. Souza K. et al. Partners of incarcerated men: Questioning caring stereotypes // The Palgrave handbook of prison and the family. – Cham : Springer International Publishing, 2019. – С. 203-226

Psychological Aspects of the Implementation of the Right to Marriage and Maintenance of Family Ties: Systematization of the Experience of Foreign Penitentiary Systems

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

This article presents a study of the psychological aspects of the implementation of one of the fundamental human rights — the right to marriage and the maintenance of family ties — in conditions of isolation in the penitentiary systems of foreign countries. The relevance of the work is due to the need for the humanization of the execution of punishments, where respect for this right acts as a key factor in the rehabilitation and resocialization of convicts, as well as in reducing recidivism. Through an interdisciplinary approach, the evolution of the legal regulation of family ties of convicts from an isolationist model to a model focused on preserving family ties as a significant resource for resocialization is analyzed. The paradigm of transition from isolationist policy to a system of supportive measures is presented, including the transformation of visitation infrastructure, the introduction of responsible parenting programs, and psychological support for families. International experience demonstrates a wide range of approaches, where legal norms are closely intertwined with the tasks of rehabilitation and maintaining the mental health of prisoners.

For citation

Slabkaya D.N. (2026) Psikhologicheskiye aspekty realizatsii prava na brak i podderzhaniya rodstvennykh svyazey: sistemizatsiya opyta zarubezhnykh penitentsiarnykh sistem [Psychological Aspects of the Implementation of the Right to Marriage and Maintenance of Family Ties: Systematization of the Experience of Foreign Penitentiary Systems]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (2A), pp. 204-211. DOI: 10.34670/AR.2026.49.90.026

Keywords

Penitentiary psychology, deprivation of liberty, right to marriage, resocialization, relational burden, deprivation, family relations, family ties, recidivism prevention, psychological trauma, social isolation.

References

1. Abashidze A.H., Klishas A.A. Zashchita sem'i po mezhdunarodnomu pravu v svete sovremennykh realij / Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. № 4 (38). 2014. S. 151 – 156.
2. Volkova E.E., Kapustina T.V., Cheremiskina I.I. Razvitie modeli privyazannosti v kontekste razlichnykh teoreticheskikh podhodov // Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2017. Tom 6. № 1A. S. 45-53.
3. Doncov, A.I., Doncov, D.A. mladshij, Doncova, M.V., Pyatakov, E.O. (2016). Social'no-psihologicheskie efekty obshcheniya, ih vliyanie na vzaimodejstvie lyudej, vozdejstvie ih na kommunikaciyu, interakciyu i social'nuyu percepciyu // Vestnik prakticheskoy psihologii obrazovaniya - 2016. Tom 13. № 4. S. 57-70.

4. Zhihareva, L. V. Teoriya privyazannosti, teoreticheskie i prakticheskie aspekty / L. V. Zhihareva // Perspektivy nauki i obrazovaniya. – 2013. – № 4(4). – S. 144-154.
5. Mendelevich EG. Somatizaciya trevozhnyh rasstrojstv v praktike nevrologa: algoritmy i podhody k differencirovannomu lecheniyu. Nevrologiya, nejropsihiatriya, psihosomatika. 2014; (4) : 81–86.
6. Moskvitina M.M., Novikov A.V., Slabkaya D.N. Penitencijarnyj socium. Osuzhdennye zhenshchiny s det'mi v domah rebenka: harakteristika i vzaimootnosheniya. Teoreticheskij aspekt // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2022. T. 11. № 3-1. S. 69-77. DOI: 10.34670/AR.2022.10.59.030
7. Shamsunov S.H., Egorov V.A., Kornev A.S., Novikov A.V. Postpenitencijarnyj period, kak effektivnyj mekhanizm v social'noj adaptacii osuzhdennyh // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2021. Tom 11. № 6-1. S. 102-110. DOI: 10.34670/AR.2021.99.95.012
8. Garcia Y., Vella M. G. Caring for those within: caring from the outside // Discover Global Society. – 2025. – T. 3. – №. 1. – S. 29.
9. Gupta S., Sanner C. Indian Wives of Incarcerated Men Tell Their Own Stories: An Intersectional Narrative Analysis of Disenfranchisement and Resilience // Journal of Marriage and Family. – 2026. – T. 88. – №. 1. – S. 7-22.
10. Hadait Z., Bibi S. R., Hadait R. T. Silent victims: uncovering the realities of the criminal justice system for families of prisoners // Experiences of punishment, abuse and justice by women and families. – Policy Press, 2023. – S. 48-68.
11. Howard C. H. Care under carcerality: Strategies of women with incarcerated loved ones: dis. – University of Chicago, 2022.
12. Jardine C. Constructing Family in the Context of Imprisonment: a study of prisoners and their families in Scotland. – 2015.
13. Souza K. et al. Partners of incarcerated men: Questioning caring stereotypes // The Palgrave handbook of prison and the family. – Cham: Springer International Publishing, 2019. – S. 203-226